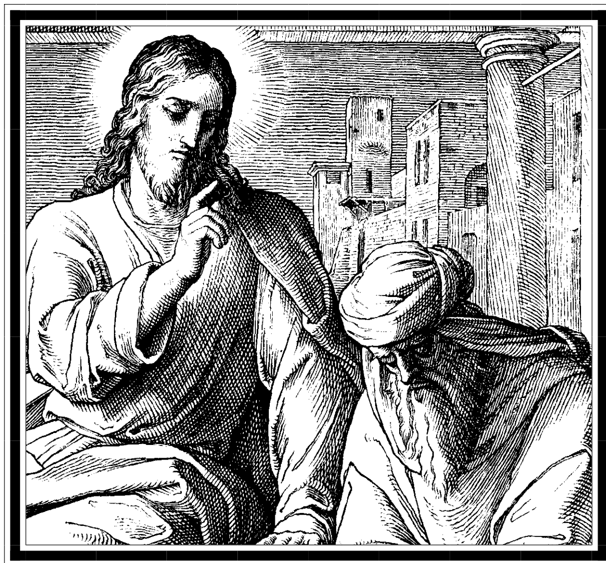
VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Что такое ХОРОШО

что такое ПЛОХО?

Один из героев Бальзака говорил: *“У меня принципы менялись сообразно обстоятельствам — приходилось менять их в зависимости от географических широт. То, что в Европе вызывает восторг, в Азии карается. То, что в Париже считают пороком, за Азорскими островами признается необходимостью. Нет на земле ничего прочного, есть только условности, и в каждом климате они различны. Незыблемо лишь одно-единственное чувство, вложенное в нас самой природой: инстинкт самосохранения”*.[1]

Подобное определение нравственности можно обнаружить в советских академических изданиях: *“требования нравственности (как и обычаи) формируются в процессе взаимного общения людей и являются отображением жизненно-практического и исторического опыта непосредственно в коллективных и индивидуальных представлениях, чувствах и воле”*.[2]

Насколько верно это утверждение? Действительно ли нравственные законы — это одна из многочисленных внешних систем детерминации нашего поведения, зависящая лишь от тех или иных исторических, географических, этнических и тому подобных условий?

Обратившись к этнографическим справочникам и описаниям, мы, действительно, можем найти большое количество фактов, свидетельствующих в пользу вышеприведенного тезиса. Так, на острове Формоза мужчины обязаны три месяца в году ходить голыми, а если в это время кто-нибудь покроется хотя бы куском материи, про него будут говорить, что он носит украшение, не подобающее мужчине. На этом же острове считается преступлением, если женщина родит ребенка до достижения ею тридцатипятилетнего возраста: в случае беременности она простирается у ног жрицы, которая до тех пор топчет ее, пока не произойдет выкидыш.

В Перу жрецы и маги предсказывают выздоровление или смерть заболевшего человека, и считается преступлением, если приговоренный к смерти больной выздоравливает. Все бегут от него и поносят его. Если бы он был хороший человек, говорят жрецы, боги приняли бы его к себе.

У людоедов жиагов, пожирающих побежденных врагов, дозволено истолочь собственного ребенка в ступке, сварив его с кореньями, маслом и листьями, изготовить мазь, которой натирают тело, чтобы сделать его неуязвимым; но там считается ужасным кощунством не убить в марте месяце ударом топора юношу или девушку. Когда хлеба созревают, королева, окруженная своими придворными, выходит из дворца, убивает всех, попадающихся ей на пути, и угощает ими свою свиту; эти жертвы, говорит она, необходимы для успокоения душ ее усопших предков. Когда жиаги замечают у девушки признаки беременности, они устраивают праздник; если эти признаки исчезают, женщину убивают как недостойную.

В государствах Конго, Ангола и Матамба, по крайней мере, до девятнадцатого века не считалось зазорным для мужа продать свою жену, для отца — продать сына, для сына — продать отца; в этих странах было известно только одно преступление: это не дать первых плодов жатвы главному жрецу.

В тибетском королевстве девушки носили на шее дары, полученные за нарушение целомудрия, — кольца любовников, и чем больше их было у девушки, тем торжественнее справлялась ее свадьба.[3]

Подобных примеров можно найти множество. Тем не менее в каждом человеческом обществе существуют весьма устойчивые представления о справедливости, порядочности, добре. Откуда они возникают? Мы обнаруживаем их у любого народа, в любой, самой варварской и бесчеловечной культуре. При всех радикальных различиях можно обнаружить некое общее для всех времен и народов нравственное начало, порой существующее даже вопреки главенствующим в данном обществе культурным нормам. В любом народе, каким бы бесчеловечным принципам он не подчинялся, мы всегда найдем проявления сострадания и жалости. Кроме того, этнографы, изучающие нравы и обычаи отсталых племен и народов, свидетельствуют, что многие племена не только высоко ценят добро и гнушаются злом, но большей частью сходятся в своих взглядах на сущность того и другого. Нередко дикие племена стоят столь же высоко по своим представлениям о добре и зле, как и наиболее цивилизованные народы. Даже у тех племен, у которых возводятся в степень добродетели дела, неодобрительные с нашей точки зрения, в остальном, касающемся нравственных понятий, замечается полное согласие с воззрениями всех людей.[4]

Клайв Льюис собрал учения о нравственности древних египтян, вавилонян, индусов, китайцев, греков и римлян, показав, что все эти учения схожи. Ни в какой из стран не считалось достойным бегство с поля боя; эгоизм никогда не был предметом восхищения. Ни у кого не вызывает одобрение по-

ведение человека, из уст которого вместо слов благодарности вырываются проклятья, когда к нему приходят на помощь. Люди могли расходиться во мнениях о том, должна ли у вас быть одна жена или четыре, но чаще всего соглашались, что нельзя самовольно овладевать чужой женой[5] — в противном случае сами культурные установления о числе жен были бы бессмысленны.

Существует определенный нравственный закон, который является объективной реальностью, так как существует помимо нашей воли. Он не навязан нам насильно, и мы можем избегать его выполнения (что часто и делаем). Тем не менее знание об этом законе, его понимание всегда живет в нас, не исчезая совсем. И этот закон совершенно не является результатом культурной практики или прагматического подхода — наоборот, именно он зачастую побуждает людей действовать вопреки традициям, личной выгоде и даже собственной безопасности.

Нравственные понятия не присущи самой материи, невозможно представить, каким образом они могли бы возникнуть в результате развития природы или общества. Нравственность не порождается культурой — скорее наоборот, подлинная культура формируется нравственными установками. Приведенные же вначале примеры свидетельствуют (и тому есть множество доказательств) о нравственной деградации упомянутых сообществ.

Отрицание абсолютного морального закона несостоятельно как в теории, так и на практике. Если кто-либо отвергает представления о том, *как следует* и как *не следует* поступать, на каком основании он может заявлять, что другим *следует* считать так же? В этом — явное логическое противоречие. С другой стороны многие люди действительно заявляли об условности понятий добра, честности, справедливости, и этим оправдывали свое поведение по отношению к другим. Однако куда исчезали их красивые теории, когда кто-либо поступал подобным же образом с ними? Чаще всего дело кончалось требованием “*справедливого*” возмездия.

Иммануил Кант приводил такой пример: один человек одолжил у другого крупную сумму денег и не вернул ее. С точки зрения личной выгоды он поступил вполне разумно. Но если бы такая практика действительно являлась правильной, этих денег ему просто не дали бы изначально. По терминологии Канта то, ***как можно*** определяется тем, ***как должно***, и это — объективный и безусловный закон, названный им **категорический императив**: “*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству (и в своем лице, и в лице всякого другого), как к цели и никогда — только как к средству*”.[6] Но плотник из Галилеи по имени Иисус сформулировал этот закон за много столетий до Канта: “*Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними*” **(От Матфея 7:12)**.

Иисус называл Себя Сыном Божьим, что придает данной формулировке статус божественной заповеди. И действительно, практически невозможно найти какое-либо другое объяснение происхождению нравственного закона, его абсолютного и безусловного характера. Существование абсолютного нравственного закона свидетельствует о наличии абсолютного нравственного Законодателя. А поскольку нравственность не существует вне мышления, волеизъявления, свободы — всего того, что мы связываем с понятием личности — абсолютный Законодатель есть абсолютно суверенная разумная Личность.

Но именно таким и представляет нам Законодателя иудео-христианское Писание — Библия. Библия утверждает, что создавший этот мир Бог — нравственная Личность, Он неизменен и устанавливает не зависящие от нас нравственные законы мира. Законы эти — то, что соответствует сущности Бога.

Согласно Библии человек создан по подобию Божьему, и, хотя грех разделил человека с его Создателем, человек продолжает нести в себе образ Творца. Именно поэтому зачастую даже люди, никогда не слышавшие о Боге и Его законе, *по природе законное делают... Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует их совесть и мысли, которые то обвиняют, то оправдывают одна другую* **(Римлянам 2:14,15)**.

Каждый человек может вспомнить ситуации, в которых он вел себя недостойно, малодушничал, не делал, что должен был сделать — или наоборот, преодолевая себя и трудность сложившихся обстоятельств, выходил победителем, совершая **поступок**. Каждый человек знаком со своим внутренним голосом, который то его упрекает и как бы гнетет, то поощряет и радует. Это тонкое врожденное нравственное чувство называют совестью.

“Совесть — это своего рода духовный инстинкт, который быстрее и яснее различает добро от зла, нежели ум. Кто следует голосу совести, тот нее будет сожалеть о своих поступках. Наш личный опыт убеждает нас также в том, что этот внутренний голос, называемый совестью, находится вне нашего контроля и выражает себя непосредственно, помимо нашего желания. Подобно тому, как мы не можем себя убедить, что мы сыты, когда мы голодны, или что мы — отдохнувшие, когда мы усталые, так мы не можем себя убедить в том, что мы поступили хорошо, когда совесть говорит нам, что мы поступили плохо”.[7]

Человек — свободное существо. Находясь под влиянием множества внешних мотивов и побуждений, он всегда волен избрать любые из них. Мы делаем то, что считаем нужным. Полет нашей мысли непредсказуем. В любом своем поступке мы совершаем выбор — а следовательно, проявляем свободу нашей воли решить так или иначе. Именно потому, что мы свободны, реальный нравственный закон в разных культурах и сообществах облекается в разные формы с различными обрядами и традициями. Имея свободную волю, мы можем и вовсе отойти от нравственного закона. Но преступление закона не упраздняет сам закон. Как бы низко мы ни пали, нам всегда будет напоминать о нем наша же собственная совесть — не поддающийся ампутации духовный “орган”, само существование которого является непреодолимым камнем преткновения для любых теорий естественного происхождения человека и морали.

1 ***Оноре де Бальзак*. Гобсек**.- М.: Правда, 1979.- С. 12.
2 **Философский энциклопедический словарь**.- М:Советская Энциклопедия, 1983.- Стр.387.
3 ***Клод Адриан Гельвеций*. Счастье**.- М.: Советская Россия, 1987.- С.178-193.
4 См.: ***Дан Ричардсон*. Вечность в их сердцах**.- Чикаго: Славик Госпел Пресс, 1983.
5 ***Клайв Льюис*. Просто христианство**.- Чикаго: Славик Госпел Пресс, 1990.- С.19.
6 ***Кант И***. Сочинения.- М.,1965. - Т.4. - Ч.1.- Стр. 270.
7 Прот. ***Александр Милеант*. Совесть: Голос Божий в человеке**. Миссионерский листок №9.- Los Angeles: Изд-во храма Покрова Пресвятой Богородицы Русской Православной Зарубежной Церкви, 1989.- С. 2.

На первой странице — *Юлиус Шнорр фон Каросфельд*. ***Иисус и Никодим***

Дмитрий Поберский, Евгений Новицкий, Сергей Головин

Крымское общество креационной науки, 1996, Буклет №17

95011 Симферополь, ул.Севастопольская 30/7, ОС 11

При перепечатке ссылка обязательна